

США И РОССИЯ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ. ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ. ИЗУЧЕНИЕ

ДОКЛАДЫ

О НЕКОТОРЫХ КОНСТАНТАХ ВЗАИМНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ/СССР И США

В.О. Печатнов

В статье анализируются константы взаимного восприятия России/СССР и США, проистекающие из дихотомии восприятия «другого» обеими сторонами. В случае США речь идет о «рижских» и «ялтинских аксиомах» восприятия России/СССР (по выражению Д. Ерджина). В основе первых лежит представление об СССР как имманентно враждебной Западу и агрессивной державе, которая по своему историческому культурному коду не вписывается в цивилизованное западное сообщество. Вторые исходят из того, что СССР – это проблемная, но не имманентно враждебная Соединенным Штатам страна, в антизападных комплексах которой виновата тяжелая история (а отчасти и сам Запад), и которые могут быть постепенно преодолены при условии правильного с ней обращения. В случае России/СССР зеркальным отражением этой дихотомии является столкновение про- и антизападной традиций, уходящее своими корнями в противоречие между западниками и славянофилами. В статье показывается, как эти два подхода сочетались в политике и общественном мнении обеих стран на разных исторических этапах.

Ключевые слова: Россия/СССР, США, взаимное восприятие, культурный детерминизм, западники, славянофилы, «холодная война», разрядка

The article presents an analysis of some basic continuities in mutual perceptions of Russia/USSR and the United States, rooted in dichotomy of each side's perceptions of «the other». In American case it is a clash of «Riga» and «Yalta axioms» (using Daniel Yergin's formula) with the former being based

Печатнов Владимир Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России.

on an image of Russia as an inherently hostile power incompatible with the West due to its historical cultural code, while the latter views Russia/USSR as a difficult but amendable power the anti-Western syndromes of which are inherited from torturous past and can be eventually overcome given a proper treatment by the West itself. In Russia/USSR case a mirror image of this dichotomy is pro-Western versus anti-Western tradition going back to 19th century debate between Westerners and Slavophiles. It is demonstrated by the author how these two contrasting approaches coexisted in policies and public opinion of both countries on different stages of their relationship.

Key words: Russia/USSR, the USA, mutual perceptions, cultural determinism, Westernizers, Slavophiles, Cold War, détente

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-13-20

Взаимное восприятие наших двух стран зависит от многих переменных: внутренней и международной конъюнктуры, политического руководства, динамики общественных настроений и др. Но есть в них, на наш взгляд, и некоторые константы – своего рода «постоянно действующие факторы», на которых и хотелось бы остановиться. Речь идет о дихотомии, присущей восприятию «другого» обеими сторонами.

Начнем с США. В известной в свое время книге Даниэля Ерджина «Расколотый мир» эта дихотомия была сформулирована как противопоставление «рижских» и «ялтинских аксиом»¹. В основе постулатов так называемой «Рижской школы» американской дипломатии 1930-х гг. (Л. Гендерсон, Р. Келли, ранний Дж. Кеннан) лежало представление об СССР как имманентно враждебной Западу и агрессивной державе, которая по своему историческому культурному коду никак не вписывается в цивилизованное западное сообщество.

Впрочем, корни этого образа России, как чужеродного «другого» уходят далеко в прошлое. «Русская проблема» традиционно виделась западными мыслителями (от маркиза де Кюстина до Ф. Энгельса) в сочетании огромных людских и природных ресурсов страны с централизованным авторитарным режимом, исповедовавшим чуждые Западу ценности и способным использовать эти ресурсы во враждебных тому целях без оглядки на свое общество. Не случайно статья Ф. Эн-

¹ *Yergin D.* The Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977.

гельса «Внешняя политика русского царизма» (1890) вызвала открытую критику И.В. Сталина, осмелившегося публично поправить младшего основоположника в письме в ЦК ВКП(б) 1934 г.² Советский период сделал это западное представление еще более негативным, поскольку, в отличие от царской России, при всей своей обособленности довольно тесно интегрированной в систему международно-правовых отношений своего времени (в том числе и благодаря сословно-аристократической общности дипкорпуса ведущих европейских стран), большевики изначально позиционировали себя в качестве силы, оппозиционной международно-правовому порядку своего времени, заинтересованной не в сохранении, а в сокрушении этого порядка и отвергающей игру по установленным в нем правилам.

«Ялтинские» же аксиомы (отражавшие представления президента Ф.Д. Рузвельта и дух одноименной конференции) исходили из того, что СССР – это проблемная, но не имманентно враждебная Соединенным Штатам страна, в антизападных комплексах которой виновата тяжелая история (а отчасти и сам Запад), и которые могут быть постепенно преодолены под американским влиянием при условии правильного с ней обращения. Принципиальная методологическая разница между этими подходами заключалась в том, что пессимисты – «рижане» были культурными детерминистами (Россия неисправима по определению), а оптимисты – «ялтинцы» исходили из эластичности советских/российских мотивов и поведения как подверженных изменениям под влиянием внутренних и внешних воздействий³.

Эта дихотомия прошла через всю «холодную войну» и даже пережила советское время. В 1995 г. известный американский советолог М. Шульман, долгие годы возглавлявший Русский институт в Колумбийском университете, на конференции с российскими коллегами говорил:

«Надо помнить, что на всем протяжении холодной войны в американском общественном мнении и политических кругах существовали неразрешенные противоречия между теми, кто исходил из презумпции о неискоренимой враждебности Советского Союза и считали целью американской политики его разрушение, и теми, кто видели возможность эволюции в советском поведении и установках, и считали, что,

² Зеленов М.В. Работа И.В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и идеологическая подготовка к мировой войне // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 3–40.

³ Подробнее об этих американских дебатах в годы Второй мировой войны см.: Печатнов В.О. Сталин. Рузвельт. Трумэн. СССР и США в 1940-х годах. Документальные очерки. М., 2006. С. 104–109.

несмотря на конкурентный характер наших отношений, их можно сделать менее опасными через ограничение гонки вооружений, сотрудничество в решении общих проблем и т.д. Эти вопросы так и не были разрешены и остаются на сегодняшний день, хотя и несколько отступили на второй план <...> Споры о сущности СССР и выводах для американской политики продолжаются и сегодня»⁴.

Мы видим, что сегодня эти дебаты вновь вышли на первый план: пессимисты говорят о авторитарно-экспансионистской «неисправимости» России и необходимости ее сдерживания, а оптимисты еще надеются, что она под умелым американским давлением «образумится» и «перевоспитается».

Теперь о константах российского восприятия США. Оно является частью российского отношения к Западу в целом, отличающегося, как известно, хронической двойственностью со времен западников и славянофилов и даже ранее. Славянофилы и их сегодняшние последователи убеждены в существовании особого исключительного пути России («умом Россию не понять» и т.д.) и в несовместимости славянской православной цивилизации с западной протестантско-католической⁵. В этом смысле они являются культурными детерминистами или фаталистами. Это убеждение в неизменности российской «культурной матрицы» роднит их с американскими «пессимистами». Другое дело, что первые видят в этом достоинство и величие России, а вторые — ее ущербность и неполноценность: знаки разные, но логика одна и та же. Обе стороны уверены в том, что конфликт России и Запада коренится в самой сущности «другого» и потому будет продолжаться до тех пор, пока сохраняется эта сущность. Поэтому их можно назвать «фундаменталистами». Американские фундаменталисты видят эту сущность в авторитарно-имперской традиции России, а российские — в мессианском стремлении США переделать мир по своему образу и подобию. Российские же западники, как и американские «оптимисты», исходят из возможности постепенного изменения культурно-цивилизационного кода России и корректировки траектории ее развития в «нормальном», т.е. — западном направлении. Для них США остаются скорее примером для подражания и потенциальным партнером, нежели извечным врагом и «империей зла»⁶.

⁴ Global Competition and the Deterioration of U.S. – Soviet Relations, 1977–1980. Transcript of the Proceedings of a Conference of Russian and U.S. Policy-Makers and Scholars held at Harbor Beach Resort, Fort Lauderdale, Florida, 23–26 March 1995.

⁵ Классическим выражением этого взгляда остается работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2004.

⁶ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007.

Соотношение этих двух составляющих в политике обеих стран на протяжении истории варьировалось, а сами они приобретали различную окраску и наполнение. Разгар «холодной войны» сопровождался преобладанием «фундаментализма» с обеих сторон, периоды разрядки и сотрудничества – преобладанием «оптимизма».

В «холодной войне» советская стратегия во многом была зеркальным отражением американской стратегии сдерживания: та же убежденность в имманентной и непреходящей враждебности другой стороны, вытекающей (в отличие от культурно-религиозной доминанты славянофилов) из неизменной «классовой природы» империализма, та же вера во «внутренние и межимпериалистические противоречия» в стане противника, которые рано или поздно должны его подорвать, то же стремление подтолкнуть и использовать эти процессы в своих интересах. Важное различие состояло в том, что Москва не ставила перед собой задачи «смены» политического режима в США и вообще уступала Вашингтону в стратегическом целеполагании.

Периоды разрядки и сотрудничества сопровождались временной эрозией (или затуханием) этого «фундаментализма» с обеих сторон. Росло понимание жизнеспособности противной стороны, необходимости минимизации риска в соревновании систем; максималистские цели «победы» в «холодной войне» уступали место практическим задачам по регулированию этого соперничества и налаживанию сотрудничества в решении общих проблем. Появлялись надежды на длительное мирное сосуществование и даже сближение двух систем. Во время Второй мировой войны и союза в общей борьбе с фашизмом получила хождение концепция конвергенции на почве либерализации советской системы и социализации американского капитализма. Ей, в частности, отдавали дань Ф.Д. Рузвельт, лидер Республиканской партии У. Уилки и профессор Гарвардского университета Питирим Сорокин в его ныне забытой книге 1944 г.⁷ Во время разрядки 1960–1970-х гг. произошло возвращение этой концепции по обе стороны идеологического водораздела. На Западе модель тоталитаризма сменялась теориями модернизации в рамках «единого индустриального общества», а в социалистическом лагере возникла модель «социализма с человеческим лицом»⁸.

Системный кризис советской модели в конце 1970 – начале 1980-х гг. воскресил прежние цели и надежды «фундаменталистов» на слом совет-

⁷ Welles S. *Where Are We Heading?* N.Y., 1946. P. 37; *Dunn D. Caught Between Stalin and Roosevelt: America's Ambassadors to Moscow.* Lexington, 1998. P. 5; *Willkie W. One World.* N.Y., 1943; *Sorokin P. Russia and the United States.* N.Y., 1944.

⁸ Достаточно назвать работу А.Д. Сахарова «Мир, прогресс и права человека» (М., 1990) и резонансную книгу Дж. Хаффа. См.: *Hough J. How the Soviet Union Is Governed.* Cambridge, 1979. О кризисе тоталитарной модели см.: *Пархоменко В.К., Печатнов В.О.* О кризисе одной антикоммунистической концепции // Вопросы философии. 1974. № 8.

ской системы, придав новое дыхание «холодной войне». Распад социалистического лагеря и самого СССР, казалось, подтвердил правоту «фундаменталистов»: советская система не выдержала конкуренции с капитализмом и оказалась неререформируемой. Однако окончание «холодной войны» с исчезновением «главного противника» и появлением новой посткоммунистической России привело к отступлению «фундаментализма» с обеих сторон. В России на почве дискредитации бывшей национальной исключительности воскресла прозападная (в особенности — проамериканская) ориентация; в США укрепились надежды на успешную рыночно-демократическую-постимперскую трансформацию России, хотя в государственной политике сохранялась и тенденция к перестраховке на случай срыва этой трансформации⁹. Эта закономерность соответствовала исторической норме наших отношений, когда каждый российский прорыв к свободе (будь то «великие реформы» Александра II или Февральская революция 1917 г.) вдохновлял американских «оптимистов», как хорошо показано в известной работе Дэвида Фоглесонга¹⁰. Но из той же нормы известно, что каждый российский откат назад сопровождался разочарованием «оптимистов» и усилением «фундаменталистов», которые теперь могли сказать: «мы же вам говорили». Так произошло и на этот раз.

Несмотря на серьезные изменения во внутренней и внешней политике постсоветской России, на глубинных — геополитическом и культурно-цивилизационном уровнях стала возрождаться преемственность с более устойчивыми и долгосрочными элементами национальной политической традиции, сохранявшимися и на протяжении советского периода. Неподвластный прагматизму великодержавный менталитет, обостренное восприятие уязвимости перед лицом реальных и гипотетических внешних угроз безопасности, ревностное отстаивание своей самобытности, самостоятельности и государственного суверенитета, двойственное отношение к Западу — все эти константы национального самосознания стали вновь проявляться и во внешней политике, причем не просто в силу инерции, а получая новые подкрепления со стороны самой действительности. Расширение НАТО на восток и продвижение военной инфраструктуры альянса и США вплотную к российским границам, насильственная «смена режима» в Югославии и курс на развал этой страны, противодействие интеграционным процессам на постсоветском пространстве и культивирование на нем антироссийских сил — все это свидетельствовало о том, что интересы России для США и их союзников являются второстепенными по срав-

⁹ Печатнов В. «Любовь — горечь» к Америке // Международные процессы. 2006. № 1.

¹⁰ Foglesong D. The American Mission and the «Evil Empire». The Crusade for a «Free Russia» Since 1881. Cambridge, 2007.

нению с распространением своего влияния и стремлением закрепить плоды победы в «холодной войне». Становилось ясно, что ее окончание и ликвидация идеологического водораздела отнюдь не отменяют межгосударственного соперничества и старых западных комплексов — опасений сильной России и представлений о ее культурно-цивилизационной «иностранности»¹¹.

Равным образом и внутри страны «разгул демократии» 1990-х гг. стал постепенно сменяться централизацией исполнительной власти, усилением роли государства в экономике, ограничениями гражданских прав и свобод в целях «наведения порядка». Не удивительно, что в США уже в начале нового столетия заговорили о «неверном выборе пути» Россией¹², а во внешней политике элементы сдерживания стали все больше вытеснять тенденцию к интеграции России в западно-центристский миропорядок.

Сейчас даже некоторые бывшие американские «оптимисты» оправдывают расширение НАТО и другие жесткие действия в отношении России как предусмотрительные меры подстраховки на случай появления «веймарской России», которые в этой системе координат оказались очень кстати. При этом удобно снимается вопрос об ответственности самого Запада, который своей политикой игнорирования российских интересов безопасности внес ощутимый вклад в это «ощетинивание» России¹³.

Не удивительно, что «фундаментализм» снова на коне, как в Москве, так и в Вашингтоне. Он сохраняет свои многие традиционные черты: убеждение в коренном различии сущности и интересов сторон, а значит — в естественности и неизбежности противоборства, ставка на максимизацию ущерба противной стороне и игру с нулевым результатом, демонизация противника. Ни та, ни другая сторона не хочет меняться в угоду «другому», считая, что «нас ненавидят не за то, что мы делаем, а за то, чем мы являемся», как заявлял президент США Дж. Буш-мл. в отношении исламского радикализма. Или, как говорил первый советский посол в США А.А. Трояновский своим американским партнерам в 1930-х гг.: «полюбите нас красненькими (т.е. советскими. — *В.П.*), а беленькими нас всякий полюбит»¹⁴.

¹¹ Согрин В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015. С. 557–558.

¹² Russia's Wrong Direction. Independent Task Force Report No. 57. Council on Foreign Relations, 2006 (<http://www.cfr.org/report/russias-wrong-direction>).

¹³ Подробнее об этом развороте в политике США см.: Печатнов В.О. Россия и США // Внешняя политика России 1991–2016 / Под общ. ред. и с предисл. акад. А.В. Торкунова. М., 2017.

¹⁴ «Люди интересуются, как они будут жить советском строе...»: Письма полпреда А.А. Трояновского И.В. Сталину // Источник. 2000. № 6.

Но эти традиционные меха наполняются и новым вином. Хотя соотношение ресурсных потенциалов в настоящее время гораздо менее благоприятно для России, чем в классической «холодной войне», в представлении российских «фундаменталистов» современный Запад и особенно США страдают новыми источниками слабости: «моральное разложение» (кризис традиционных ценностей) сочетается с кризисом всего либерально-демократического порядка под напором популизма, «бумеранга» глобализации и интеграции, возрождения культа национального суверенитета и т.д. То, что этот кризис поразил твердыню западно-центристского мира — англо-американские демократии — только усиливает впечатление упадка Запада. На этом фоне Россия, согласно такой логике, выступает носителем более здорового и перспективного начала, чуть ли ни ведущей силой новой антилиберальной волны, идущей на смену доминированию Запада. Не случайно в США распространилось ощущение растерянности и чуть ли не отступления перед этим внешним натиском «ревизионистских держав» (России и Китая) в условиях разлада внутри страны и Атлантического сообщества в целом. В сложившейся обстановке голоса западников в России и «оптимистов» в США почти не слышны.

Но это еще не конец истории и даже не начало ее конца. Неприкаянная Россия будет и дальше блуждать между Западом и Востоком в вечных поисках своей идентичности. США, со своей стороны, также не могут вечно предаваться антироссийскому «фундаментализму» в ущерб типично американскому прагматизму и оптимизму. А значит, сохранятся и дихотомичные константы взаимного восприятия, наполняясь новым содержанием и меняя свой удельный вес во влиянии на политику. The more it changes, the more it remains the same.